

14. Меженков В.П. Русские: истоки, психология, судьба. – М.: «Русская книга», 2003. – 696 с.
15. Россия перед вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: «Серда – Пресс», 1999. – 560 с
- Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть новым Иерусалимом.//Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков(IX-XII вв.). Курс лекций: Учебное пособие для студентов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С.355–368.

Семиколенов В.Н.

РОЛЬ МОРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сегодня об информации все больше говорят как об отличительном признаке современного мира. Мир стремительно меняется, и вопрос о том, что несут с собой эти перемены культуре, социуму, отдельному человеку, остается открытым. Немаловажно также то, каким образом эти перемены могут повлиять на моральную парадигму культуры, каким образом она будет формироваться, в расчете на какие социальные слои общества и какими способами.

Актуальным представляется вопрос о том, какие формы может принять информация, почему она занимает центральное место в современных исследованиях и как она воздействует на социальные, экономические, политические отношения. А также – как она влияет на основу любого социума и гражданского согласия – ценности и мораль. На сегодняшний день *актуальность этой проблемы возросла* в связи с тем, что глобализирующий мир стоит перед выбором культурной, а значит и моральной парадигмы.

Информация в современном мире начинает играть качественно иную роль и выполнять иные функции. Информация играет решающую роль во властных структурах и выборе направления социального и культурного развития. Именно поэтому *к проблеме влияния информационного общества на человека и культуру обращались многие ученые*. Такие сторонники постмодернизма, как Марк Постер [1], описывают настоящее, характеризуя его как новый способ бытия информации. Информационное общество называют качественно новым социальным устройством.

Однако существует раскол между адептами идеи информационного общества (Д.Белл, Ж.Бодрийяр, М.Постер, М.Кастельс и др.) и сторонниками взгляда на информационное общество как на продолжение ранее установленных отношений (Г.Шиллер, М.Альбетта, А.Липиц, Д.Хорви, Э.Гидденс, Ю.Хабермас, Н.Гарнэм). Последние не отрицают, что в современном мире информация играет ключевую роль, но полагают, что ее формы и функции подчиняются давно установившимся принципам и практикам.

Цель работы – показать, что культура никогда не существовала и не может существовать без моральной парадигмы, выявить специфику ее формирования в информационном обществе и определить роль, которую она реально играет как в жизни отдельной личности, так и в культуре в целом.

В ходе исследования мы пришли к *выводам*, которые не были очевидны вначале – в информационном обществе сохраняется как интенциональность предшествующих социально-политических тенденций, вознивших задолго до его появления, так и доминанта определенной культурной парадигмы, выявить настоящее содержание которой представляется возможным только при помощи аксиологической и морально-нравственной рефлексии преобладающей в обществе информации. По этой причине вопрос о моральной парадигме культуры становится ключевым для понимания направления развития информационного общества.

Основу культурной парадигмы составляют ценности, жизненные смыслы и морально-нравственные установки, что дает основание говорить о моральной парадигме как основной составляющей общекультурной парадигмы. Поэтому дело даже не в том, что в мире стало больше информации, а в том, что *характер* этой информации изменил как образ мыслей, так и образ жизни благодаря ее *содержанию*, и прежде всего – морально-нравственному. Такая эффективность воздействия информации на личность и культуру объясняется прежде всего тем, что в основе поведения личности или социальной группы лежит теоретическое знание (т.е. информация).

Формирование моральной и аксиологической парадигм, неразрывно связанных между собой, оказывается основным вопросом формирования культурной парадигмы. Именно поэтому к морально-этическим ценностям апеллируют как адепты, так и противники глобализации. Как отмечает В.А.Малахов, “первые говорят прежде всего об универсалистской “макроэтике”, в то время как вторые выдвигают такие ценности высокой морали, как верность народу, родине, религиозным святыням, готовность к самопожертвованию, что в контексте нынешних террористических акций приобретает конкретный и страшный смысл” [2, с. 5].

Однако вопрос о том, какой должна быть сегодня мораль и каковы способы ее внедрения в культуру далеко не однозначен. В нынешней культуре особенно заметны идеи индивидуализма с одной стороны, и консерватизма – с другой. Для индивидуалистов краеугольным камнем здорового общества является свободная личность, в то время как для сторонников социального консерватизма – всеобъемлющий комплекс общественных ценностей, норм морали и нравственности, нашедших свое воплощение в социуме или в государстве. Однако существует еще коммунитарный подход к формированию моральной парадигмы. Сторонники коммунитарного подхода считают необходимым, чтобы здоровое общество обеспечивало сбалансированность между независимостью личности и порядком, причем речь идет о порядке особого рода: добровольном и ограниченном основными ценностями, а не навязываемом и не имеющем всепроникающего характера. Сама же независимость личности должна быть отнюдь не беспредельной, а иметь социальные границы и вписываться в контекст общественных ценностей [3, с. 334]. Однако хотелось бы отметить, что в таком случае сам этот контекст должен быть ясно заявлен культурой и иметь некоторую однозначность.

Коммунитарная парадигма признает необходимость существования общепринятых норм и правил, по-

сколько считает их основой, на которой возможно укрепление и поддержание общественного порядка, но в то же время признается необходимость сохранения такого положения вещей, при котором эти нормы и правила не подавляют бы любое выражение независимости личности. Другими словами, здоровое общество не отдает предпочтения общественному благу перед индивидуальным выбором или наоборот; оно поддерживает социетарные формации, обеспечивающие всестороннюю сбалансированность этих, казалось бы противоположных, социальных ценностей.

Создается впечатление, что коммуитарная парадигма формирования норм и правил оптимальна, но возникает вопрос о реальных средствах ее реализации. Проблема в том, что осуществление весьма привлекательной модели, предлагаемой сторонниками коммуитарной парадигмы, потребует, тем не менее, опоры на образование, управление, убеждение, веру и моральный диалог, а не на закон как средство обеспечения ценностей, которые необходимо развивать. Причем речь идет о комплексе основополагающих ценностей, который важнее комплекса ценностей, относящихся только к поведению. При таких условиях, на наш взгляд, ее осуществление становится весьма привлекательным, но несколько утопичным по многим причинам, и прежде всего потому, что, когда речь идет о культурной, социальной, моральной парадигме, следует учитывать, что ее содержание не генерируется массами, а скорее задается теми, кому принадлежит власть, информация и возможности воздействия с помощью информационных технологий.

Что касается масс, то обилие информации самого разного содержания, в том числе (и даже в первую очередь) нравственного, обрекает их на невозможность эту информацию не только отрефлексировать, но даже усвоить. Человек современной культуры оказывается в гораздо более затруднительном положении, чем его предшественник в смысле отбора действительно полезной информации, ему сложнее разобраться в происходящем именно из-за переизбытка самой противоречивой информации, а также из-за того, что он неизбежно оказывается объектом манипуляций информацией в идеологических, политических, экономических и др. целях.

Сегодня происходит гораздо более ускоренное получение знаний через СМИ, чем через собственный жизненный опыт. К тому же спектр знаний, доступный человеку через жизненный опыт, значительно уже, чем то информационное разнообразие, которое предоставляет ему современная культура. Это в значительной степени влияет на нивелировку значения опыта и на невозможность рефлексии поступающей информации. Однако именно опыт и моральная рефлексия могли бы дать ему представление о наиболее целесообразном способе действия и создать предпосылки для определения, по крайней мере для себя, морально-нравственной нормы. Но, как пишет, Жан Бодрийяр, «информации становится все больше, а смысла в ней все меньше» [4, с. 95]. Это, в частности, можно понимать как утрату знаковости, смысла знака из-за огромного их количества. Кроме того, средства информации, которые нас окружают и представляют нам свои «сообщения» (в том числе в виде рекламы), на первый взгляд оставляют нам право на них не реагировать. Но на самом деле осуществить это достаточно сложно, потому что мы гораздо теснее связаны с информационной средой, чем кажется на первый взгляд, информация так или иначе проникает в нас и в некотором смысле становится частью нас самих и с этой точки зрения информация становится главной проблемой нашего времени.

Очевидно, однако, что дело не в самой информации, а в тех возможностях, которые она предоставляет. Некоторые вопросы экономического, политического, морально-нравственного порядка вне информационных технологий (управления информацией) либо не решаемы, либо решаемы на уровне, неприемлемом для современного общества, провозглашающего свободу личности, гуманистические ценности и демократию. Но в условиях информационного общества существует возможность тоталитарного контроля без видимого нарушения свобод, а необходимость в явной форме тоталитаризма отпадает. Наличие развитой сети СМИ и Интернет делает информационное воздействие и управление массами незаметным, демократичным. Нет необходимости прибегать к жесткому тоталитарному или религиозному давлению. Однако предположить, что современный мир развивается вне какой-либо моральной парадигмы очень сложно, поскольку гражданское согласие (как между личностями, социальными группами, так и государствами) пока остается только возможным путем для развития общества, а не наличествующей реальностью.

Следует также учитывать, что информация всегда содержательна. Она несет в себе определенное содержание и смыслы, и почти всегда – явно или неявно – оценку событий, того или иного действия. Вряд ли может быть по-другому прежде всего потому, что вся культура построена на смыслах, на объяснениях, почему следует поступать именно так, а не иначе. Поэтому определить истинное, а не декларируемое в лозунгах и призывах направление, вектор развития современной культурной, моральной, аксиологической парадигмы очень сложно, однако возможно приблизиться к его пониманию, если проанализировать значение и качество информации, доминирующей в культуре, ответив на вопросы: «Какой вид информации претерпел особо быстрый рост? Кто производит этот вид информации, для каких целей, с какими последствиями?».

Моральная парадигма – очень сложное понятие. Еще сложнее это понятие наполнить содержанием и воплотить в жизнь в современной культуре, в которой доминирует дух свободы и индивидуализма. Прежде всего потому, что моральная парадигма предполагает, что человек должен осознавать и выполнять некоторые общезначимые предписания морали, в которых для него сформулированы представления об обязанности, справедливости, общем благе. Когда имеется в виду обязательность исполнения некоторых предписаний или норм, универсальность требований, которые определяют возможность человеческого совместного проживания, имеется в виду именно мораль, моральный аспект поведения или взаимоотношений.

Моральная парадигма, подразумевающая благо отдельного человека и общества, должна дать ответ на вопрос «Что я должен делать и почему?». Она не может быть аксиологически нейтральной, не содержать в себе оценочного момента. Только ответы на эти вопросы в конечном счете легитимируют конечные цели, а не определяют только средства их достижения. Т. Адорно обращает внимание на то, что это и есть «собственно сущностный вопрос философии морали, ... решающий вопрос философии вообще» [5; 7].

Если человека и можно представить отдельно от среды, которая его окружает, то только в абстрактном

смысле. Однако при этом следует отметить, что если его лишить стабильных и позитивно утверждаемых в сообществе ориентиров, то в большинстве случаев сам он сгенерировать их не сможет. Таким образом, эти атрибуты должны в культуре присутствовать и человек должен о них знать. Принятие или неприятие их зависит от принадлежности к определенной социальной группе, степени образования, воспитания, характера нравственных и ценностных установок. Но связь с сообществом имеет важное значение для индивидуальности в целом. Однако в информационном обществе человек поставлен в весьма затруднительную ситуацию – без связи с обществом он существовать не может, но общество имеет уже в своем арсенале все средства для того, чтобы определить, как именно он будет существовать, к какому качеству жизни стремиться, какие идеи поддерживать и что считать главными смыслами и ценностями своей жизни. Такое положение вещей налагает особую ответственность на тех людей, от которых сегодня непосредственно зависит формирование культурной, а, следовательно, и моральной парадигмы. В доинформационном обществе такие парадигмы существовали всегда, хотя на практике что-то из их предписаний соблюдалось более четко, что-то менее, но в теории все было установлено довольно ясно.

Естественным следствием обилия информации становится скептическое к ней отношение. И эта проблема не может быть преодолена слишком просто. Ситуация осложняется еще и тем, что, как пишет Ф.Уэбстер, «аудитория теперь креативна, обладает самосознанием и рефлексией и все новые знаки встречает скептически и насмешливо, а потому легко извращает, переинтерпретирует и преломляет их первоначальный смысл» [6, с. 29]. Преодоление скепсиса культуры и личности к информации в то же время, на наш взгляд, означает преодоление скепсиса, доходящего до цинизма, в отношении норм и ценностей, а также в отношении понятия морали и нравственности. Как говорит П.Слотердайт в работе «Критика циничного разума», цинизм связан со своеобразными перерожденными формами новоевропейской субъективности как следствия «неудачного просвещения», субъективности, которая уже не верит в традицию, и остатками традиционного мировоззрения, однако использует их для целей господства. В таком случае это уже не ошибочное сознание, когда люди не знают, что они делают, а «циничный разум, когда люди хорошо понимают, что они делают, и продолжают делать это» [7, с. 125].

С точки зрения морали весьма циничным может оказаться такое, казалось бы, безобидное явление, как реклама. Реклама продукции строится таким образом, чтобы, в соответствии с результатами мотивационных исследований, в наибольшей степени воздействовать на инфантильные и импульсивные стороны потребителей, что способствует закреплению этих сторон личности, а, следовательно, ее психической неустойчивости, нестабильности. Специалистам по рекламе и технологиям подачи информации об этом хорошо известно, однако это не мешает им продолжать действовать и не меняет правила «реклама – двигатель торговли». Такова реальность общества потребления.

Однако зачастую люди даже не осознают, насколько они связаны с социумом, культурой и доминирующими в ней как ценностями, так и морально-нравственными установками. В современном мире выбор, который делает каждый отдельный человек, не может быть свободен от культурных и социальных факторов. Если личность окажется действительно свободной от всех общественных норм, то это не только не увеличит ее независимость, но оставит абсолютно незащищенной от других влияний, которые она воспринимает в виде информации или воздействия среды. Именно поэтому наличие если не общепринятой (что практически невозможно), то хотя бы общеизвестной моральной парадигмы, является необходимым для самоопределения личности даже в большей степени, чем безграничная свобода, которая не всегда бывает следствием скептицизма или цинизма личности или социальной группы, но и следствием отсутствия морально-нравственных ориентиров в обществе, культуре.

Возникает вопрос - можно ли давать формирующейся личности полную свободу морального выбора, не присоединяя к описанию каких-либо действий морально-нравственной, смысловой оценки? Выиграет ли от этого личность или проиграет? Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего вспомнить о значении слова «культура». В буквальном переводе культура означает возделывание, воспитание, образование. Культивировать – значит выращивать, делать лучше. В самом содержании слова «культура» заложено то, что она не является нейтральной по отношению к субъекту, она его формирует и дает пространство для выбора настолько, насколько это пространство доступно субъекту культуры.

И достоинство, и проблема информационного общества заключаются в том, что пространство культуры невероятно расширилось. Достоинство – для тех, кто может без вреда для себя в этом пространстве пребывать и использовать его. Проблема – для тех, кого это пространство начинает либо дезориентировать, либо выстраивать по своему усмотрению. И, на наш взгляд, для того, чтобы достоинство не стало проблемой необходимы не определенный уровень интеллекта и образования, а четкие морально-нравственные ориентиры, работающие по принципу фильтра и являющиеся основой рефлексии любой информации. Однако формируются они в контексте существующей в культуре морально-нравственной парадигмы, или в контексте парадигмы другой культуры, не доминирующей в обществе, но о которой личности известно.

Как бы ни настаивали сторонники крайнего индивидуализма на неограниченной свободе личности, но общество, культура не может не оценивать действия своих членов с позиций «нравственное-безнравственное», «возвышенное-низменное», «добро-зло» и других моральных категорий. Если в культуре «присутствует все» на любой выбор, и каждый выбор равноценен, то мы скорее всего имеем дело с типичной ситуацией постмодерновской мозаики, которая как раз и характеризуется отсутствием как общекультурной, так и морально-нравственной парадигмы. В традиционных же или религиозных культурах она присутствует, и в ее контексте воспитываются члены общества, а также находятся объяснения, что такое «хорошо» и что такое «плохо», к чему приведет то или иное действие и почему. Мы не пытаемся в данном случае идеализировать ни традиционные общества, ни религиозный фундаментализм, ни консервативные тенденции в отношении морали и нравственности, но с неизбежностью признаем факт – если в обществе нет направления, идеи, однозначной системы ценностей и понятий о моральных и нравственных нормах,

то мы вряд ли можем говорить о культуре этого общества в ее настоящем значении – возделывание, воспитание, образование. Когда субъект обречен искать ориентиры на свое усмотрение, не зная, к чему приведет его выбор (хоть и свободный, но далеко не всегда оптимальный и даже безопасный), потому что в обществе все ориентиры однозначны, или когда он становится объектом информационных манипуляций с различными целями, мы можем говорить скорее не о культуре, а о «реалиях нашей жизни», но это уже совсем другое понятие.

Вряд ли стоит переоценивать возможности субъекта выбирать нормы морали и нравственности вне аксиологического позиционирования их в культуре. Хотя Исайя Берлин, например, настаивает на том, что для того, чтобы быть субъектом ответственного морального поведения, человек прежде всего должен иметь некоторое свободное пространство, где он в состоянии непринужденно расположить себя, выбрать на свое усмотрение ту или иную установку, тот или иной способ действия. В этом и заключается минимальное требование личностной свободы [8, с. 59–67].

Известны также высказывания Берлина, касающиеся негативной и позитивной свободы. Негативная свобода, по его мнению, «представляет собой всего лишь ту область, в рамках которой человек может действовать, не встречая препятствий со стороны других людей» [9, с. 122]. Позитивная же свобода представляет собой право человека совершать такие поступки, какие он хочет совершать. «"Позитивный" смысл слова "свобода", – пишет Берлин, – проистекает из стремления человека быть хозяином самому себе... Прежде всего с точки зрения своих идей и своих целей» [10, с. 131]. Однако ни о каких пределах или самоограничениях ради обеспечения прав других людей И. Берлин не упоминает. В связи с этим невольно вспоминается народная мудрость: «Есть дороги, по которым чем меньше ходишь, тем лучше» и приходит мысль о необходимости восстановления неписанных моральных норм и обязательств, основывающихся на внутреннем моральном императиве, что коренным образом отличается от составления письменных инструкций.

В «Метафизике нравов» Кант, определяя предмет практической философии, писал, что «последняя не может быть ни чем иным, как моральной философией» [11, с. 273]. Однако мораль так или иначе налагает ограничения. Личность, поступая нравственно, зачастую также подвергает себя самоограничениям, т.е. в некотором смысле идет против своей низкой природы, поступая в соответствии со своим идеалом и понятием моральной нормы. Попытки индивидуализма отстаивать полную свободу личности как нечто святое, зачастую скрывают нежелание не только ограничений личности со стороны общества в какой-либо сфере, но и самоограничений. Хотя приходится признать, что как ограничения, так и самоограничения, оказываются необходимыми в силу противоречивости и амбивалентности человеческой природы, в силу импульсивного стремления человека не только к созиданию, но и к разрушению. Насилие существует в современном мире на всех уровнях – личностном, социальном, государственном. И это не позволяет впасть в иллюзию относительно природы человека. Но тогда также очевидно и то, что эту природу должно что-то сдерживать. Во все времена этим сдерживающим фактором была мораль, нравственность, понятие чести. Но понятие чести – это прежде всего понятие долга. Известно, что свободы без ответственности не бывает. Однако если человек, пользуясь предоставленной ему обществом свободой, не представляет себе ее последствий, т.е. не знает, чем он будет отвечать за эту свободу и оказывается в результате в состоянии психологического, экзистенциального, духовного кризиса, то общество несет за это ответственность, в особенности те, кто в этом обществе непосредственно формирует культурную парадигму, обозначает приоритетные ценности культуры и морально-нравственные нормы или должен был бы это делать в соответствии со своим социальным статусом.

Безусловно, свобода выбора личности необходима, но после какого-то момента движение в направлении еще большей свободы уже не приносит обществу пользы. Сегодня, по всей видимости, настало время решения задачи укрепления коллективных ценностей и установления новых пределов для индивидуализма.

В современной культуре, имеющей богатый опыт противостояния сначала авторитаризму, затем тоталитаризму, а в последнее время – религиозному фундаментализму, существует понимание того, какую опасность таит в себе чрезмерный порядок, в особенности если он основан на принуждении. Однако в гораздо меньшей степени осмыслена опасность, которой грозит идеологизация безграничной независимости в условиях, когда сторонники права на выбор и самовыражение подрывают моральные запреты, налагаемые на антисоциальное поведение.

Вполне правомерен вопрос – означает ли переход к информационному обществу разрыв с предыдущими типами обществ? Если информации становится просто больше, то одно только это не может означать разрыва с предыдущими культурными парадигмами. Именно поэтому Теодор Розак в своей работе «Культ информации» подчеркивает необходимость качественного анализа информации. По его представлениям, существующий сегодня культ информации служит для размывания качественных различий, которые являются сутью повседневной жизни – смыслов, ценностей, целей, нравственной оценки действия. Наилучшим способом это достигается постоянным утверждением и того, что информация – это только количественный фактор и предмет статистических измерений [12, с. 11]. По мнению Т. Розака, это происходит для того, чтобы общество согласилось на перемены, которые с неизбежностью должны произойти. Он пишет: «Информация имеет привкус безопасной нейтральности, и очень просто и полезно нагромождать горы беспспорных фактов. Такое невинное прикрытие – великолепная стартовая позиция для политических замыслов технократов, которые не хотят открывать, насколько это возможно, свои истинные цели. В конце концов, что можно возразить против информации?» [13, с. 19].

Однако любая политика как раньше, так и теперь делится на внутреннюю и внешнюю, и вторая – только продолжение первой, но другими способами. Осуществлять же внутреннюю политику можно только при двух условиях – понимании ее направления и управлении массами, которые должны следовать в заданном направлении (т.е. при условии хорошо работающей идеологии). Но любая идея (основа идеологии) должна быть принята массами. На самом деле именно это – главная задача, которую призваны решать как информационные технологии (т.е. способы подачи информации – PR-технологии, политтехнологии, рек-

лама и т.д.), так и СМИ (т.е. способы передачи информации). Между тем, идеи, лежащие в основе нашей цивилизации, культуры не могут быть основаны на информации, которая поступает сегодня со всех сторон и которой становится все больше. Эти идеи имеют гораздо более раннее происхождение, в то время как информационные технологии и СМИ только позволяют эффективно, без видимого насилия, эти идеи внедрять. Поэтому можно говорить о том, что к трансформациям общество приводит не информация сама по себе, а те идеи, которые в условиях информационного общества, оставаясь незамеченными, управляют сознанием масс, в то время как массы остаются практически беззащитны против этого управления. Специалисты, которые это понимают, выдвигают мысль о том, что необходимо уделять больше внимания образованию, обучению, для того, чтобы человек не стал предметом информационной манипуляции. Однако осуществить это представляется слишком сложной задачей. Кроме того, на наш взгляд, простое обучение и образование, без ориентации на определенные нормы морали, ценности, жизненные смыслы ни к чему не приведет.

Следует учитывать и долю тех ценностей, которые считаются неотъемлемой частью социального порядка (и поэтому их нарушение рассматривается как подрывающее его), по сравнению с теми ценностями, которые члены общества воольны избирать по своему усмотрению, на основе собственных приверженностей. Это соотношение, как считает А.Этциони, имеет особо важное значение в качестве показателя, дифференцирующего различные виды обществ и их моральные парадигмы [14, с. 319–320].

Чтобы быть стабильным, общество нуждается в метастабильности, другими словами, в сохранении общей структуры, которую оно должно иметь для самовоссоздания. Одной из идей, способной поддерживать метастабильность, давно стала идея гражданского общества, гражданского строя и гражданского согласия. Понятие «гражданского строя» (civic order) используется для обозначения людей, придерживающихся цивилизованного отношения друг к другу. «Гражданский строй» является неотъемлемым элементом здорового общества, однако его понятие слишком ограничено. К нему в основном подходят с точки зрения деятельности в политической сфере, не уделяя внимания основополагающим ценностям культуры, таким понятиям, как мораль и нравственность, в то время как при его созидании, как и при формировании моральной парадигмы современной культуры необходимо учитывать ряд факторов: процессы глобализации, культурной универсализации, значительной редукции нравственного и аксиологического аспектов в культуре, информационные процессы, которые существенно влияют на личность скорее в сторону ее аксиологической и морально-нравственной дезориентации, чем интеграции вокруг нравственных идей, символов и идеалов. Современные дискуссии вокруг этой проблемы свидетельствуют о ее сложности а также о том, что ее разрешение находится еще в начальной стадии.

Источники и литература

1. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. – Cambridge: Polity, 1990.
2. Етос і мораль у сучасному світі. – К., 2004.
3. Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
4. Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities, or, The End of the Social and Other Essays. – New York: Semiotext(e), 1983.
5. Адорно Т.В. Проблемы философии морали. – М., 2000.
6. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М., 2004.
7. Слотердайк П. Критика циничного разума. – К., 2002.
8. Берлін І. Дві концепції свободи // Сучасна політична філософія. – К., 1998.
9. Там само.
10. Там само.
11. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Критика практического разума. – М., 1995.
12. Roszak T. The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking. – Cambridge: Lutterworth, 1986.
13. Ibidem.
14. Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.

Сухарев В.А., Турский И.И.

РИТМЫ КОСМОСА И ХОД ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Еще с глубокой древности замечено, что бывают отрезки времени, когда ничто не нарушает мирного течения жизни, чему способствуют и человек, и природа. Но бывают времена, когда и мир природы, и мир человеческий приходят в волнение: мощные стихийные катастрофы, повальные болезни, голод, войны и революции потрясают как отдельные регионы, так и целые континенты. В такие времена вдумчивому мыслителю приходит на ум идея о существовании тесной связи между состоянием внешней среды и поведением человека. На фундаменте этой идеи родилась и пышно расцвела одна из древнейших наук – астрология, которая учила «о связи всех вещей и всех явлений».

Основоположник космической биологии Александр Чижевский еще в первой четверти двадцатого столетия сделал попытку научно обосновать всплески военно-политической и революционной активности в мире активностью Солнца. Его работа [2] вызвала неадекватную реакцию со стороны тогдашних идеологов советского государства, имевших существенно отличную точку зрения на причины военно-политических и революционных процессов. В итоге взгляд А. Чижевского на рассматриваемую проблему был признан политически вредным, а сам ученый подвергся судебному преследованию.

В последующие годы неоднократно предпринимались настойчивые попытки обнаружить цикличность